

О медиакоммуникациях в пространстве Интернета

Т.А. Новолодская

Санкт-Петербургский университет информационных технологий, механики и оптики
m_nov_lodn@mail.ru

Аннотация

Основной формой коммуникативного процесса в Сети является гипертекст. Обитатель Интернета становится кочевником - номадом. Его мир - не степь, а гиперреальность виртуального пространства. В этих виртуальных лабиринтах формируется и новый тип личности, и содержание его бытия в контексте информационной цивилизации.

Ключевые слова: текст, гипертекст, виртуальное пространство, ризома, мифологическое сознание, коммуникативный процесс, виртуальный мир, информационные технологии.

Благодаря изобретению в середине XV века Иоганном Гутенбергом книгопечатного станка появился тип человека, которого можно было назвать «типографским человеком». Книгопечатный станок существенно изменил способ восприятия действительности: мир предстал перед его исследователями через черно-белую призму печатного произведения. Печатное слово смогло преодолеть границы культурных и географических пространств и стало определять уровень интеллектуального климата цивилизаций. По утверждению Маршалла Маклюэна, произошло становление «галактики Гутенберга» – универсума, в котором печатный станок явился формирующим фактором культуры индустриального общества [1].

Вхождение в обиход электронных средств массовой коммуникации кардинально меняет ситуацию в «галактике»: теперь на первый план выходят аудио-визуальные способы трансляции информации, и человек вступает в новую постгутенберговскую эпоху. В другой своей работе «Понимание Медиа: Внешние расширения человека» Маклюэн отмечает важные перемены в жизни людей и состоянии культуры в результате развития электронных технологий. Он нас предупреждает, что через средства коммуникации не только передается новая информация, но изменяется сам человек, его мышление, психика, мотивы поведения [2, с.29]. Ему удалось проследить в своем творчестве влияние средств коммуникации на культуру и трансформацию культуры под влиянием новых средств коммуникации. Хотя Маклюэн

и не застал время развития Интернет-коммуникаций, его наработки в области исследования электронной культуры, связанные с указанием роста экономических доминант в мире электронных технологий и расширением сферы массовой культуры, остаются актуальными и по сей день.

Вхождение в жизнь социума глобальной сети Интернет демонстрирует продолжение качественных изменений в природе информации и способах ее порождения и трансляции. Открытие Сети и новых коммуникативных возможностей по-новому высвечивает «классические» проблемы философской онтологии и антропологии.

На современном этапе развития в сферу когнитивных процессов включается машина, и она подчиняет человека своей логике. Меняется смысловое пространство и время для обитателя виртуальной «реальности». В Сети образуются новые пространства, не включающие в свои основные модулы понятие «расстояние». Здесь возникают новые оси координат: «Социальное пространство» становится открытым для различных концептуализаций, для открытия и исследования «множества пространств» [3, с.59].

Основной формой коммуникативного процесса в Интернете становится текст, организация которого во многом определяется техническими возможностями киберпространства. Более того, даже не текст, а гипертекст — вот визитная карточка существования информации в Сети. Интересно, что слово «текст» происходит от греческого слова «ткань», что указывает на линейный характер его организации. Использование приставки «гипер-» («над») говорит об усложнении структуры данной языковой конструкции по сравнению с текстом. Если при чтении обычного текста двигаться в его пространстве возможно только в направлениях, ограниченных одной плоскостью, то ризоморфный гипертекст открывает новые «поперечные» измерения в текстовом универсуме. На смену одномерному тексту приходит многомерный электронный гипертекст.

Понятие «ризомы» более уместно для понимания специфики организации гипертекста, чем понятие «структура»: оно является средством обозначения радикальной альтернативы тем замкнутым и статичным линейным структурам, которые предполагают жесткую осевую ориентацию. В противоположность любым видам корневой организации слов, ризома интерпретируется не в качестве линейного «стержня» или «корня», но как потенциальная бесконечность, имплицитно содержащая в себе «скры-

тый стебель». Принципиальная разница заключается в том, что этот стебель может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, ибо ризома в смысловом облачении абсолютно нелинейна: мир, представленный в ризоморфном контексте, потерял свой стержень.

Ризома есть семиотическое звено, в котором спрессованы самые разнообразные виды деятельности — лингвистическая, перцептивная, миметическая, познавательная и др.

Она предлагает богатый спектр «языковых игр», которые во Всемирной Паутине не имеют пределов и не знают ограничений: перекрестные ссылки всегда открывают новые горизонты. В сети нет прямых путей, и нет такого пункта, где они сходились бы вместе.

Масштабы виртуального пространства глобальной сети говорят сами за себя — электронный космос не знает никаких границ и барьеров. Находясь в одной точке ризоматического пространства гипертекста, мы можем вдруг оказаться «где угодно».

«Пасущийся в Интернете» человек становится в определенной степени номадом — кочевником, населяющим пространство, ориентиры которого постоянно смещаются вместе с его маршрутом. Он вращается в пространстве, как и номад, только его мир не степь, а гиперреальность виртуального пространства, в котором проходят его бесчисленные путешествия. В этих виртуальных лабиринтах гипертекст становится удобным вариантом отслеживания многочисленных информационных потоков и коммуникативных контекстов.

Гипертекст, обладая такими свойствами, как: мультимедийность, нелинейность, интерактивность, — приобретает и новые качества по сравнению с текстом. Так, коренным образом меняется способ построения текстового пространства — на смену одномерному тексту приходит многомерный электронный гипертекст. Сам текст при этом, не теряя своих пространственных очертаний, обретает иное измерение, где он становится в буквальном смысле бесконечным: ведь от одной ссылки можно двигаться к другой и так далее без конца. Непоследовательная запись, «ветвистость» письма, обращение к ссылкам смещают акценты между автором и текстом: автор становится подчас своеобразным «трансцендентальным субъектом», и это воспринимается как норма сетевого общения.

Деперсонализация автора определяется характером коммуникативных процессов в Сети. Здесь нет удостоверений личности: аватарки и псевдонимы вполне заменяют личные реквизиты. Ценность информации в Сети определяется не именем и регалиями создателя, а ее содержанием и востребованностью. Кроме того, деперсонализация автора определяется и перекрестной структурой гипертекста: сама технология ссылок предполагает «множественность» авторов, то есть делает невозможным существование безотносительного, обособленного, замкнутого текста и автора. Конечно, проблема авторства должна решаться, но установить полный

контроль в этом вопросе довольно трудно: Интернет диктует свою логику общения и демонстрирует свои либеральные приоритеты.

Текст, помещенный в пространстве Сети, отдается в свободное пользование. Автор при этом отчуждается от себя произведение и фактически лишается своих привилегий — авторских прав и гонораров, составляющих незыблемый фундамент печатной культуры. Интернет начинает играть роль публичной библиотеки, где тексты принадлежат не авторам и издательствам, а безличной сети, в которой они становятся доступными для всех желающих.

Возможности, предоставляемые пользователям глобальной сетью для совершенствования коммуникативных возможностей, — безграничны. Сеть не только наделяет их коммуникативный процесс свойством интерактивности, но и придает поливариантный характер самому социальному бытию людей.

Американский социолог Мануэль Кастельс определяет современный этап социального развития как Сетевое общество, которое идет на смену индустриальному и кардинально меняет все сферы жизнедеятельности человека. «Оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...» [4, с 105]. Изменения произошли в характере труда и способах его оплаты. В индустриальном мире работа в основном была коллективной и связанной с крупномасштабным производством. А теперь работа становится все более индивидуальной: налицо сетевая децентрализация рабочих мест. Но это совсем не означает, что мелкий бизнес теснит крупный. На самом деле мы являемся свидетелями беспрецедентной концентрации капитала и управленческих ресурсов в мегаобъединениях и суперконгломератах.

Характерными «маркерами» новой цивилизации становятся знания и информация. Но в Сети даже не сами знания играют главную роль, а способы их трансляции в различных коммуникативных процессах и пути к формированию трансляционных каналов. Обладание же информационными ресурсами зависит от доступа к соответствующей технологической инфраструктуре, от способности человека управлять имеющимися в наличии информационными потоками и создавать новые информационные ресурсы. Отсюда становится понятна и роль медиакommunikаций в формировании управляющего социумом информационного «истеблишмента». Картина реальности выступает перед людьми подобием себя, но при этом как бы в пространстве кривого зеркала. Мнения и приоритеты люди выстраивают на основе предложенных СМИ вариантов. Социальные движения и партии тоже подстраивают свой имидж под симпатичные рекламные ролики, чтобы быть услышанными и увиденными в нужном для них ракурсе. Все больше и больше зрители, слушатели, а также обыватели, пасущиеся в сети Интернет, становятся продуктом манипулирования их сознанием. И хотя различные по своей политиче-

ской, социальной и т.п. ориентации СМИ предлагают различные модели поведения и ориентации на различные ценностные массивы, — суть от этого не меняется.

Вхождение машины в сферу ментальных операций подчиняет действия человека логике механизма, отворачивает его от реальных пространственно-временных координат. Общающиеся в Сети утрачивают представление о целостности пространства, ограничиваясь теми автономными нишами социальных миров, которые создаются их обитателями. Конечно, желание не утрачивать связь с «общим пространством» у них присутствует. Стремление к преодолению локальных пределов рождает такую особенность жизни современного общества, как «глобализация». Глобализация как мощный магнит изменяет пространственные границы, размывает представления об удаленности, скоростях и способах их осмысления в привычных категориальных структурах.

Масмедиа превращает абсурдные для реального их проявления события в приемлемый артефакт. Здесь можно вспомнить случай, который описывает в своей работе «Прозрачность зла» Жан Бодрийяр. В сентябре 1987 года в Мадриде проходил матч на кубок Европы между мадридским «Реалом» и командой Неаполя: «Матч проходил ночью, на пустом стадионе, при полном отсутствии публики, что являлось дисциплинарной мерой со стороны Международной федерации — мерой с целью предотвращения эксцессов наподобие тех, что учинили мадридские болельщики на предыдущем матче. Тысячи болельщиков осаждали стадион, но проникнуть туда не смогли. Матч целиком транслировался по телевидению» [5, с. 118]. Далее французский философ делится с нами интересным размышлением по этому поводу: «Это является как бы хирургическим предвосхищением будущих событий: событие, о котором идет речь, было столь минимальным, что могло бы вовсе не иметь места, но его воспроизведение на экране получило максимальный размах. Никто не переживал связанные с ним перипетии, но все заполучили его изображение. Оно сделалось чистым событием, существующим вне всяких естественных связей с окружающим, и его эквивалент вполне можно было бы представить в виде синтезированных изображений» [Там же].

Такая же абсурдная ситуация совсем недавно повторилась в России, где тоже были наказаны игроки двух виднейших спортивных футбольных команд за хулиганство своих болельщиков, и матч проходил без участия зрителей и тоже транслировался по телевидению. А коммуникативный дискурс между зрителями, болельщиками и соперниками переместился в виртуальное пространство Интернета. На этом примере видно, как динамика социальных коммуникаций перешла в другой пространственный континуум, и реальный спортивный сюжет превратился в артефакт, в компонент виртуального масмедийного продукта.

Архитектура Сети может способствовать формированию зависимости человека от информационных потоков, которые превращаются в мощную систему по отлаживанию поведения людей на манер машины, ее требований и возможностей. Проблемы исследования информационных технологий, которые основаны на знании человеческой природы и умении выявлять на «свет божий» глубинные пласты коллективного бессознательного, — имеют для философского дискурса свой профессиональный интерес. Он связан с исследованием возможностей мифотворчества в различных сферах современной жизни и нахождении способов предупредить процессы деградации человеческой личности в создавшихся условиях.

В виртуальном пространстве происходит удивительная мистификация со многими ценностными ориентирами, без которых наша жизнь оказывается лишенной смысла. Если обратиться к системе образования, то эти изменения выглядят следующим образом. Раньше процесс образования и воспитания был связан с книжной культурой, которая формировала навыки вдумчивого чтения и богатого воображения. Для этого требовался весьма долгий процесс самостоятельной работы с текстами.

Сегодня же навыки самостоятельного чтения и осмысления текста всё более утрачиваются и даже начинают рассматриваться как атавизм, или устаревшая технология образовательных практик. На смену словесно-книжной коммуникации приходит электронная. Она строится на определенных формализованных алгоритмах построения, передачи и восприятия информации. Все, что не поддается уместить в «прокрустово ложе» заданного алгоритма, — изымается из обращения. Так уходит в небытие и вся прежняя культура. Здесь стоит напомнить инструктивное требование, которое предписывает современным авторам научных работ делать ссылки на первоисточники не более, чем пятилетней давности. Возможно, это требование уместно для естественно-научных и технических исследований, но вряд ли — для дисциплин социально-гуманитарного цикла.

Это так напоминает сюжет из романа «1984 год» английского писателя Джорджа Оруэлла, в котором автор повествует о создании учеными — лингвистами из Института Правды такого конструкта, как «новояз». Из смыслового поля новояза убирается все, что не отвечает духу времени и может навредить мысли на «опасные» поиски глубинных этимологических основ в историческом контексте языковых реалий. Прошлое становится опасным и ненужным, поэтому от него следует избавиться. Язык в этом случае требует «серьезных» преобразований: он должен отражать только новую историю и новые, заданные Большим Братом, идеологемы.

Оруэлл оказался провидцем: новый «языковой трансформер» снова становится востребованным для современных коммуникативных практик. И так же, как в романе английского антиутописта, новые языковые алгоритмы не только позволяют ускорить

процессы получения необходимой информации, но и несут определенные угрозы для формирования личности обитателей Сети.

Анализ изменений, происходящих в системе образовательных и воспитательных парадигм, позволяет отметить следующие моменты. Благодаря внедрению компьютерных информационных технологий в учебный процесс, начинает доминировать клип-комиксный, сайт-файловый подход к образованию и воспитанию. И это уже свершившийся факт, ставший реальностью, с которым нельзя не считаться, ибо он уже всюду созидает «своего» человека и совершенно иной тип культуры, чем был прежде. Если уходящую культуру можно назвать культурой Слова, и её основание передать известным изречением из «Откровения» Иоанна Богослова: «В начале было Слово. Слово было у Бога. И Слово было Бог», то — относительно становящейся, — следует сказать так: в начале был байт, и стал он гигабайтом, и гигабайт стал Богом. Различие между словом и байтом, а также приоритет последнего в интеллектуальном пространстве культуры свидетельствует о становлении новой среды обитания людей. Начинает формироваться новый язык, и всё то, что не может быть формализовано, из него исключается. Тем самым исключается и из бытия, из культуры все, что было связано со Словом.

Если в качестве цели культуры Фридрих Ницше усматривал созидание поэта, художника, святого, философа, гения, в конечном счёте, то сейчас акцентны явно сместились. Теперь востребован временем компетентный исполнитель, пользователь, потребитель и т.п. Характеризуя упадок культуры и убыль человеческого достоинства, Ницше заметил, что сначала дух был Богом, затем он стал человеком, а теперь становится даже чернью. А там, «...где пьёт также чернь, там все колодцы отравлены» [6, с.74].

Процесс, как видим, продолжает идти, и вопрос остается открытым: а чем же станет дух в рамках нарождающейся культуры? Конечно, хочется быть оптимистом и верить, что нас ждет открытие человека-творца, а не черни. Но на этом пути человека поджидает так много подводных камней. И Сеть — тоже небезобидное искушение в его жизни.

В Сети появляется свой этос, — «этос информационного сообщества», который так или иначе связан с языковым миром его носителей. Можно наблюдать, как появляются понятия и их языковые аналоги, понятные только «посвященным», специалистам, и не всегда доступные «профанам». Параллельно «языку посвященных» существует и другой путь вербальной коммуникации. На этом другом полюсе наблюдается «упрощение», стремление свести общение в Сети без ограничительных предписаний грамматики и стилистики конкретной языковой культуры. Слово теряет свою определенность и семантическую насыщенность: оно превращается в Симулякр.

Последствия такой мистификации можно проследить на примере постмодернистских рассужде-

ний о положении человека в современном обществе. В контексте постмодернистского проекта человек отчужден от Мира, Природы, Себя и Себе-подобного. В обществе ему отводится только участь разыгрывать роли. Так как за пределы общества ему не выйти, то остается одно — отнестись к репертуару ролей так же, как к нему относится актер: суметь сыграть и наслаждаться этим умением. Таким должно быть постмодернистское отношение, которое не признает надобности притязать на произнесение последних и окончательных приговоров в любой сфере человеческой жизни. Просто следует выйти за пределы их прочтения в принятых категориях.

Постмодернизм как философское течение есть реакция на этот новый этап отчуждения человека в современном мире. И Сеть вполне может оказать нам здесь свои «услуги». Если человек, обитающий в пространстве Сети, будет подчиняться только принципу рациональности выбора, такие ценности, как: свобода, достоинство, и т.п. теряют для него свою необходимость и привлекательность. Здесь нет места для любви, сострадания и др. Нормы морали, как и эстетические идеалы не соответствуют критериям доказательного, проверенного знания: для них узки горизонты радио. Но только в мире этих ценностных ориентиров у человека есть возможность сохранить себя как человека и не терять почтение к бытию. Поэтому постмодернистское увлечение безразличием не является привлекательной жизненной позицией, даже в эпоху кризисов и катастроф. Для человека осознание самого себя, как реально существующего в мире, — является жизненно необходимым.

Принимая какое-либо решение, человек всегда подкрепляет его ещё и чувством уверенности, правоты, веры, надежды, желания и т.д. Возникает вопрос: почему же его стремление на научной основе строить общественные отношения наталкиваются на непреодолимые препятствия, превращающие самые благие намерения в утопию?

Причин здесь несколько. Отметим некоторые из них.

Деятельность социального субъекта всегда детерминирована фактором времени. Его подталкивают оппоненты, конкуренты, логика самого социального процесса, в который он погружён. Социальному субъекту не всегда отводится время для серьёзных размышлений и принятия продуманных решений. Надо успеть всё сделать вовремя. Для получения точных сведений нет времени: информация успевает устаревать уже в ходе её собирания. Получается такая картина: намерения социального субъекта ориентируются на принятие решения и последующего практического действия на основе достоверных научных данных. В реальности всё выходит иначе — импровизированные и интуитивные решения без надёжного информационного обеспечения.

Судьба человека тоже стала более рискованной. И риск этот связан, как ни странно, — со свободой выбора, которой так дорожит современный человек.

С одной стороны, в обществе возрастает доступность научной информации в результате развития компьютерных технологий и Интернета. Это способствует прозрачности общества, увеличивает возможности коммуникации между его членами. «Паноптикум» становится со стороны технических средств возможным.

С другой стороны, возможность оперативно собрать информацию наталкивается в обществе на ситуацию, связанную с сознательным её утаиванием с помощью всякого рода паролей, искусственных знаковых систем, кодов, доступных только посвящённым. Тенденция прозрачности общества наталкивается на обратную тенденцию – не допустить всеобщей просматриваемости всех и всего всеми, то есть на сознательное сокрытие происходящего.

Обе эти тенденции следуют из высшей социальной ценности — свободы. Я свободен знать всё, и я свободен скрывать всё. Наличие таких тенденций опять-таки вынуждает современного социального субъекта часто руководствоваться не точными характеристиками, а приблизительными описаниями социальных процессов. Можно с уверенностью констатировать, что в обществе мера рационального социального решения обратно пропорциональна степени его актуальности, срочности, общественной востребованности. Чем больше обществу нужны те или иные решения, тем более скороспелыми и необоснованными научно они будут.

И все-таки оптимистический настрой заставляет представителей философского промысла искать варианты оптимального выхода из сложившейся ситуации. В этом случае стоит внимательно прислушаться к мудрому Гомеру и научиться у его «хитроумного» Одиссея способности преодолеть

гибкое место, не поддаваясь соблазну сладкозвучных сирен.

Литература

- [1] Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-центр. 2004. 432 с.
- [2] Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
- [3] Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. № 9. 2012.
- [4] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- [5] Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. 257с.
- [6] Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Избр. Пр. в 2-х кн. Кн.1. Сирин. 1990. 448с.

About Media Communication in the space of Internet

T.A. Novolodskaia

The main form of communication process on the web is becoming hypertext. Inhabitant of the Internet becomes a nomad. His world — not the steppe, but the hyperreality of the virtual space. In these virtual maze is formed and a new type of personality, and the content of his life is in the context of the information civilization.